

Тиандер К.Ф.

**Матиас Кастрен - основатель
финнологии.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Т39

Т39 **Тиандер К.Ф.**
Матиас Кастрен - основатель финнологии. / Тиандер К.Ф. – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 70 с.

ISBN 978-5-458-02240-8

ISBN 978-5-458-02240-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ латыни. Во-первыхъ, изученіе ея потеряло свою практическую важность. Въ Швеціи уже съ XIV в. исчезаетъ латинскій языкъ въ общественныхъ документахъ и въ служебной перепискѣ. Густавъ Ваза выводитъ его изъ проповѣди и церковнаго обихода. Во-вторыхъ, со- знанная теперь необходимость перевода Библии и глубокое значеніе, придаваемое Лютеромъ оригинальному тексту Св. Писанія, вызвало потребность въ знаніи греческаго и еврейскаго языковъ.—Когда зашла рѣчь о томъ, чтобы послѣ смутныхъ временъ вновь открыть упсаль- скій университетъ, Эрикъ XIV назначаетъ прежде всего профессора греческаго языка (1566 г.). Накопецъ въ 1593 г. состоялось официал- ное восстановленіе университета. И еврейскій языкъ сразу сталъ имѣть своего представителя. О латинской профессурѣ спохватились только въ 1604 г. Эти цифры весьма опредѣленно указываютъ на паденіе ея престижа. Правда, латынь далеко еще не вышла изъ моды, и ака- демическое сословіе еще долго продолжало позировать въ тяжелыхъ складкахъ ея изысканныхъ фразъ, но эта пустословная риторика уда- лялась все дальше и дальше отъ того пути, гдѣ, постоянно нарож- даясь, кипитъ жизнь.

Университетъ въ Або, основанный въ 1640 году, также долженъ былъ имѣть для каждаго языка своего специалиста, но изъ бережли- вости оба языка сперва были соединены въ однихъ рукахъ. Вслѣд- ствіе этого, программа по этимъ предметамъ сама собой сократилась, такъ что по греческому языку ограничились чтеніемъ Новаго Завѣта, а главное вниманіе было обращено на языкъ еврейскій. Тѣмъ не ме- няе научный прогрессъ лингвистическихъ интересовъ сказался какъ разъ въ этой области, въ то время какъ латинисты болѣе блистали въ дни особыхъ торжествъ. Поэтому возникшіе въ XVII в. запросы родного языка заставляли обратиться къ этой „овреивствующей“ дисци- плинѣ, такъ какъ не смѣли рассчитывать ни на сочувствіе профессора *eloquentiae*, у котораго учились составленію официальныхъ посланій и панегирическихъ рѣчей въ цинцероновскомъ стилѣ, ни на вниманіе профессора *poësoos*, учившаго какъ писать стихи по-латыни. Разчи- тывать на это можно было развѣ тогда, когда такую кафедру зани- малъ профессоръ въ родѣ Эневальда Свеноніуса (1617—88), который менѣе всего заботился о только что описанныхъ классическихъ шту- дияхъ, почему его и перевели въ богословскій факультетъ.

Свеноніусъ не только учился у знаменитыхъ ориенталистовъ въ Голландіи, но и лично побывалъ на востокѣ. Онъ отличался рѣдкой плодотворностью: написалъ около 2.500 проповѣдей и 300 диссертацій.

343 страницы in quarto обнимаетъ его трудъ: Τὸ νόημα ἡχμαλωτισμένου seu potius Gymnasium carpendae rationis humanae, т. е. „Плѣненный разумъ или лучше сказать система уловленія человѣческаго разума“. Подъ этимъ курьезнымъ заглавіемъ кроется множество любопытныхъ разсужденій относительно всѣхъ языковъ, подлежащихъ области его наблюдений. Свеноніусъ дѣлитъ языки на первичные: еврейскій, какъ праязыкъ, и родственные ему—греческій и латинскій, и на вторичные—современные. Первые распространены по всему міру; на нихъ же написанъ текстъ Св. Писанія; вторые заимствовали свои слова изъ первыхъ. И вотъ Свеноніусъ приводитъ около 40 примѣровъ въ доказательство того, что финскія слова либо греческаго, либо еврейскаго происхожденія:

αἰών (вѣкъ)	>	aina (постоянно)
ἀγγαρεύω (принуждаю)	>	ankara (жалкій)
χέρμα (монета)	>	kuorina (возъ)
λείγω (ляжу)	>	leika (рѣзать)
χοῖρος (поросенокъ)	>	koira (собака)
ποιμήν (пастухъ)	>	raimene (пастухъ)

Трудно представить себѣ, сколько натяжекъ въ этихъ сопоставленіяхъ съ еврейскимъ. Напримѣръ, еврейскій авал (= онъ пожелалъ) должно оказаться родственнымъ финскому ove (дверь), потому что дверь открывается по желанію, по одному мановенію (?).

Въ 1697 г. Эрикъ Каянусъ (Cajanus) выступаетъ уже съ особой диссертацией: *Linguarum hebraeae et finnicae convenientia*. Помимо тождества отдѣльныхъ словъ, онъ указываетъ на фонетическую особенность обоихъ языковъ: ни тотъ ни другой не допускаютъ двухъ согласныхъ въ началѣ слова; онъ указываетъ на соотвѣтствія въ спряженіи, на сходство въ примѣненіи мѣстоименій, на нѣкоторыя синтаксическія особенности и на плеоназмъ въ оборотахъ, что встрѣчается якобы въ обоихъ языкахъ. Названіе Финляндіи онъ производитъ отъ еврейскаго слова pinna=уголь.

Въ 1700 г. Даніэль Юслениусъ (Juslenius) въ своей диссертации: „*Aboa vetus et nova*“ высказываетъ также свои лингвистическіе взгляды, которые по прежнему не особенно далеки отъ библейскаго преданія. Они опираются на предположеніе, что при вавилонскомъ столпотвореніи изъ еврейскаго образовался рядъ кардинальныхъ языковъ, а изъ нихъ уже въ свою очередь выдѣлились мѣстные говоры. Отсюда слѣдуетъ, а) что еврейскіе элементы вошли во всѣ языки, б) что греческій и

финскій, будучи оба языками кардинальными, сходны между собой. Онъ приводитъ новые примѣры:

θυγάτηρ (дочь)	>	tytär (дочь)
νάηη (шкура)	>	naiha (кожа)
λαλέω (болтать)	>	laula (пѣть)
φυλή (родъ)	>	kylä (деревня).

Въ своей вступительной лекціи 1712 г. Юслениусъ кромѣ этого прародства считалъ нужнымъ допустить еще оживленное общеніе обоихъ народовъ между собою въ доисторическое время. Правда, о такой греко-финской эпохѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, но послѣдующіе ученые вышли и изъ этого затрудненія, вводя новый народъ—скиноновъ, который уже шведскимъ ученымъ приписался весьма кстати. У финскихъ ученыхъ скиноны явились суррогатомъ необходимой греко-финской эпохи.

Въ 1764 и 66 гг. Коллингъ защищалъ диссертацию *De origine Genopum*, въ которой пытался дать историческое обоснованіе возможности предполагаемаго финно-семитскаго родства. Главный его тезисъ тотъ, что израильтяно, оставшіеся на родинѣ послѣ вавилонскаго нашествія, не выдержали гнета и ушли на сѣверъ. Соединившись со скинонами, они стали предками финновъ. Предположеніе это Коллингъ доказываетъ сходствомъ нравовъ и тожествомъ словъ.

Въ 1733 г. вышла грамматика Веля (*Vhael*), которая замѣнила Петреуса и чуть ли не въ теченіи цѣлаго столѣтія считалась наилучшимъ пособіемъ для изученія финскаго языка. Во многихъ частяхъ сказывается вліяніе еврейской гипотезы, какъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ о глаголѣ, гдѣ Вель привлекаетъ къ сравненію соответственныя еврейскія формы. Итакъ, это ученіе вошло и въ школу и приобрѣло общее признаніе и распространеніе.

Кромѣ еврейскаго языка къ сравненію съ финскимъ былъ привлеченъ и арабскій. Въ диссертации Авеллана *Usum linguae arabicae in perficiendo lexico hebraeo...* 1757 г. на двухъ страницахъ перечисляются сходно звучащія финскія и арабскія слова:

финск. kynttilä (свѣча)	—	арабск. kindilon
„ lehmä (корова)	—	„ lihmon
„ kygki (журавль)	—	„ kurkijon.

На основаніи этихъ примѣровъ однако никакихъ выводовъ не находимъ.

Финно-семитская гипотеза, казалось, была исчерпана, дальше идти было некуда; оставался еще греческій языкъ.—Въ 1774 г. Нильсъ Идманъ издалъ большое сочиненіе на шведскомъ языкѣ: „Опытъ обнаруженія общности финскаго и греческаго языковъ, могущій служить для освѣщенія исторіи финскаго народа“. Сходство нѣкоторыхъ финскихъ словъ съ еврейскими авторъ объясняетъ тѣмъ, что еврейскій языкъ самый древній языкъ и долгое время былъ единственнымъ языкомъ міра. Финны тѣ же скины, только заимствовавшіе языкъ, многологию и нравы у грековъ. Затѣмъ слѣдуетъ обстоятельный отчетъ о фонетикѣ, морфологій и синтаксисѣ финскаго языка, изъ котораго проистекаетъ детальное сходство съ греческимъ. Списокъ тождественныхъ словъ обнимаетъ 40 страницъ. Не говоря уже о неудачности метода, сами познанія Идмана по греческому языку были далеко не основательными. Тѣмъ не менѣе, его трудъ былъ переведенъ на французскій языкъ и напечатанъ въ Страсбургѣ въ 1778 г.

Среди этой своеобразной ученой литературы мы не находимъ ни одной серьезной попытки сравнить финскій языкъ съ латинскимъ. Мы уже объяснили это тѣмъ, что латинскимъ занимались больше для того, чтобы упражняться въ краснорѣчій и поэзіи, чѣмъ съ точки зрѣнія науки. Только у Идмана находимъ нѣсколько примѣровъ сопоставленій между финскимъ и латинскимъ:

финск. mies (мущина)	=	лат. mas
„ siemen (сѣмя)	=	„ semen
„ viheriä (зелень)	=	„ viridis
„ suutari (трубочистъ)	=	sutor (сапожникъ).

Это сходство Идманъ объясняетъ общностью источника — греческимъ языкомъ; по его мнѣнію, латинскій ведетъ свое начало отъ элійскаго діалекта.

Эти экзотическія симпатіи поощрялись тѣмъ самообольщеніемъ, которое должно было применить къ научной теоріи, которая выводила происхожденіе собственнаго народа отъ предковъ, знаменитыхъ своей баснословной древностью. Родство съ лопарями и эстами и даже съ самими шведами казалось менѣе заманчивымъ! И опять скинская теорія затемнила основной смыслъ новыхъ открытій. Эліасъ Бреннеръ, членъ антикварной коллегіи въ Стокгольмѣ, въ письмѣ отъ 1716 г. даетъ перечень 23 финскихъ словъ, заимствованныхъ когда-то со шведскаго, но вымершихъ или измѣнившихся въ современномъ говорѣ:

финск. gauta (жагѣво)	<	gaud	—	древнешв.	gaudr	—	новошведск.	röd
„ leipä (хлѣбъ)	<	lef	—	„	hleifr	—	нѣтъ	
„ leiki (игра)	<	leik	—	„	leikr	—	„	lek

Raud, lef, leik—древнешведскія формы, предполагаемыя Бреннеромъ. Это блестящее указаніе на то, что наиболѣе древнія формы скандинавскихъ словъ сохранились у финновъ въ заимствованныхъ ими словахъ, вполнѣ ствѣіи принесло не мало пользы германистикѣ. Тогда же Галленіусъ (Hallenius) въ диссертациі De Borea Finniа 1732 г., исходя изъ открытія Бреннера, построилъ новую теорію о смѣнѣ населенія въ Скандинавіи: первобытные жители—финны=скионы; ихъ потомки—готы; готы германизируются и становятся шведами. Затѣмъ идутъ сопоставленія словъ, финскихъ съ одной стороны и готскихъ съ другой:

финск. ainoa (единственный)	>	готск. ainaha (единственный)
„ äiti (мать)	>	„ aīpei (мать)
„ autuas (блаженный)	>	„ audags (блаженный).

Понятно, что всѣ вышеприведенныя гипотезы потеряютъ всякую почву, если устранить таинственныхъ скионовъ: вѣдь они служили посредствующимъ звеномъ между финнами съ одной и евреями, греками и готами съ другой стороны.

Итакъ, на первыхъ порахъ развитія финнологіи казалось неинтереснымъ, неслѣстнымъ освѣщать финскій языкъ сличеніемъ его съ лапландскимъ или эстляндскимъ: а между тѣмъ сходство бросалось всѣмъ въ глаза. Куда заманчивѣе находить связь между роднымъ и какимъ-нибудь изъ древнихъ языковъ, тѣмъ болѣе что тутъ сразу доберешься до первоисточника. Но когда пылъ молодости прошелъ, и результаты, состоявшіе по большей части въ сухомъ перечнѣ сходныхъ словъ, не оправдали первыхъ ожиданій, то примирились и съ болѣе скромными задачами. Такъ тотъ же самый Юсленіусъ, который въ началѣ своей ученой карьеры доказывалъ существованіе греко-финской культурной эпохи, на старости лѣтъ издалъ финскій словарь: „Suomalaisen Sanalugun Coetus, составленный съ Божьей помощью, съ громаднымъ трудомъ, въ долгое время, по указаніямъ многихъ людей, во славу финскаго языка!“ Въ этомъ словарѣ приводятся сопоставленія только изъ языковъ лапландцевъ, эстовъ, ливовъ и нигерманландцевъ. О греческомъ и еврейскомъ уже ни слова!—Правда, взглядъ на еврейскій языкъ, какъ на источникъ всѣхъ остальныхъ, еще долго дер-

жался въ публикѣ. Но въ наукѣ начиная съ XIX столѣтія эти теоріи можно считать отжившими вѣкъ. Благодаря свободному отъ всякихъ предразсудковъ взгляду Лейбница еврейскій языкъ пореосталъ быть языкомъ, на которомъ говорили въ раю Адамъ и Ева. Знакомство съ санскритомъ, которое стало болѣе распространеннымъ среди ученыхъ послѣ гениальныхъ соображеній Фридриха Шлегеля, и основанное въ концѣ концовъ Боппомъ сравнительное изученіе индоевропейскихъ языковъ предписало языковѣдамъ строгій историческій методъ. Наконецъ, классическіе языки къ этому времени значительно упали въ цѣнѣ. Ореоль, окружавшій ихъ, разсѣялся. Миновало исключительное увлеченіе классической древностью. А потому сомнительной стала и слава, вытекающая изъ родства съ языками древности. Въмѣстѣ съ тѣмъ родной языкъ приобретаетъ, благодаря ученію Гердера и романтиковъ, самостоятельную цѣнность. Родной языкъ, поэзія народа становятся драгоценнымъ кладомъ каждой націи. Классическій міръ отпѣлъ и нечего было ему подражать, показывая только свое собственное безсиліе. Выяснилась необходимость вникать въ самыя нѣдра умственной жизни новѣйшихъ народовъ. Вотъ и въ Финляндіи стали ходить въ народъ, увлеченные предчувствіемъ тѣхъ таинственныхъ сокровищъ, открытъ которыя выпало на долю Ленрута. Изслѣдованіе финскаго языка вступило на путь зависимости отъ строгой исторической точки зрѣнія, прилчимою теперь къ языковѣднію вообще. Родоначальникомъ этого новаго направленія, которое двигалось впередъ осторожно,—если можно такъ выразиться, концентрическими кругами, исходя изъ болѣе близкаго сосѣдства и охватывая все болѣе и болѣе широкую область,—явился Генрикъ Портанъ, основатель финской исторіи, издатель первой газеты въ Финляндіи, первый давшій толчекъ развитію самостоятельной финской культуры въ XIX столѣтіи.

II.

Первыя попытки установленія особой семьи „финскихъ“ языковъ.

Портанъ ¹⁾, будучи самъ историкомъ, внесъ, во-первыхъ, въ финнологію строго историческую точку зрѣнія, выясняя тѣснѣйшую связь

¹⁾ См. біографію Портана Rein'a, статью о немъ же Joh.-Vilh Snellman'a (Собр. сочин. т. IX, стр. 103 сл.); Schybergson, Abo universitets lärdomshistoria III. вып. „Historien“ (изданіе Шведск. Лятер. Общ. въ Финляндіи т. XIX).

языка съ культурой народа. Эта цѣль преслѣдуется въ изслѣдованіяхъ: *De vi linguae in gentis ingenium* 1789 г. и *De linguarum usu historico* 1795 г. Развитие языка, училъ Портанъ, представляетъ аналогію съ историческими судьбами народа вообще и его культурными успѣхами въ частности. Исходя изъ этого соображенія, Портанъ находитъ возможнымъ слнчать языки только такихъ двухъ народовъ, которые и безъ того уже находились въ культурномъ общеніи, но и тутъ онъ совѣтовалъ не довольствоваться двумя языками, а привлекать къ сравненію всѣ говоры, составляющіе одну семью.

Благодаря этой историчности Портанъ вскорѣ постигъ и разницу между кореннымъ родствомъ и заимствованіемъ. Такъ, онъ считаетъ неправильнымъ ссылку на технические выраженія или на обозначенія предметовъ болѣе развитой культуры при доказательствѣ родственности и близости двухъ языковъ, потому что такія слова часто оказываются заимствованными. Напротивъ, при сопоставленіяхъ слѣдуетъ выбирать самыя простыя, коренныя слова языка. Разобравшись въ тѣхъ шведскихъ словахъ, къ которымъ находили соотвѣтствія въ финскомъ языкѣ, выдѣленныхъ, какъ мы сказали уже, Бреннеромъ, при свидѣтельствѣ которыхъ Галленіусъ доказываетъ происхожденіе шведовъ отъ финноскнеовъ, Портанъ безъ труда узналъ въ этихъ словахъ заимствованія со шведскаго. Точно такъ же Портанъ разрѣшаетъ и нѣкоторое сходство въ финскихъ и греческихъ словахъ или въ финскихъ и латинскихъ. Такимъ образомъ, тѣ хитромудрыя гипотезы, которыми придумывались для доказательства историческаго родства тѣхъ или другихъ языковъ, оказались излишними, когда былъ найденъ путь прямой передачи словъ посредствомъ заимствованія.

Далѣе, Портанъ отиѣтилъ рядъ методологическихъ правилъ уже чисто фонетическаго характера. Онъ ясно сознавалъ разницу между письменнымъ изображеніемъ словъ и ихъ произношеніемъ и допускалъ для сравнительныхъ изслѣдованій живыхъ языковъ только устный источникъ. Онъ совѣтуетъ обращать вниманіе на измѣненія звуковъ въ самой сравниваемой семьѣ и затѣмъ уже искать подобія ихъ въ другомъ языкѣ. Нельзя пользоваться отдѣльными формами, необходимо выдѣлять корень. Укажу еще на самое элементарное, но несомнѣнно въ высшей степени полезное правило; противъ него грѣшили не только предшественники Портана; его понять не хотятъ и въ наши дни: звуковое сходство двухъ словъ само по себѣ ничего не доказываетъ; необходимо установить и единство значенія. — Вообще,

Портанъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ высказывалъ такія истины, считаться съ которыми обязанъ и современный изслѣдователь.

Въ 1801 г. Портанъ выпустилъ въ свѣтъ первую часть своего труда: *De praecipuis dialecticis linguae fennicae*, въ которомъ положилъ основаніе финской діалектологіи. Портанъ въ самой Финляндіи различаетъ два говора: собственно финскій, т. е. западный, къ которому примыкаетъ литературный языкъ, и восточный, саволакскій, въ которому причисляется и корельское разпорѣчіе. Въ Финляндіи Портанъ отмѣчаетъ русско-корельскій, ижорскій, олонекскій и эстляндскій говоры. Первая и единственно вышедшая часть предполагаемаго труда изслѣдуетъ только одинъ изъ этихъ говоровъ, а именно саволакскій. Ясно, отчего Портанъ выбралъ этотъ говоръ: на немъ сочинены руны.

Кромѣ того, Портанъ не упускалъ изъ виду и болѣе дальнихъ родственниковъ финновъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка нѣкій Мартинъ Фогель впервые высказался о близости финскаго и венгерскаго языковъ. Долго это мнѣніе держалось чисто по наслышкѣ, пока наконецъ вопросъ не сталъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Въ Гельсингфорсѣ хранится рукопись 1739 г. подъ заглавіемъ: *Specimen analogiae linguarum Ungaricae et Fennicae*. Она принадлежитъ перу Юганна Велина, профессора логики и метафизики. Она содержитъ 566 сопоставленій, изъ которыхъ весьма многія неудачны. Но на эту работу обратилъ вниманіе Портанъ и въ Геттингенѣ самъ занялся венгерскимъ языкомъ. Онъ привезъ съ собой въ Гельсингфорсъ венгерскій словарь и грамматику. Самъ онъ отмѣтилъ цѣлый рядъ вполне вѣрныхъ сопоставленій. Даже сохранились его наброски къ самостоятельно задуманной венгерской грамматикѣ. Въ это же самое время сами венгерцы занялись научнымъ изслѣдованіемъ своего языка. Въ 1799 г. венгерскій ученый Гярмати (*Giarmathi*) выпустилъ въ свѣтъ первое въ этомъ родѣ солидное изслѣдованіе: *Afinitas linguae hungaricae cum linguis finnicae originis grammaticae demonstrata*. — Съ тѣхъ поръ, какъ съ обѣихъ сторонъ пошла дружная работа, образовавшаяся новая отрасль науки быстро окрѣпла.

Позднѣе всего послѣдовало привлеченіе въ область финнологіи племенъ, населяющихъ Россію, какъ европейскую такъ и азіатскую. Сходство ихъ говоровъ съ финскимъ языкомъ могло впервые броситься въ глаза тѣмъ плѣннымъ шведамъ, которые были задержаны въ Россіи и сосланы въ мѣстность, гдѣ жили соответствующіе инородцы. Изъ труда шведскаго офицера финскіе ученые услышали въ первый разъ

о своихъ сибирскихъ сородичахъ. Нѣмецкій докторъ Мессершмидтъ, вызванный нарочно Петромъ Великимъ въ Россію и прославившійся здѣсь своимъ семилѣтнимъ странствованіемъ по Сибири, охотно пользовался услугами жившихъ тамъ шведскихъ офицеровъ. Среди нихъ былъ и нѣкій Таббертъ, извѣстный впоследствии болѣе подъ своимъ дворянскимъ именемъ Штраленберга, который свыше десяти лѣтъ провелъ въ Сибири. Взятый въ полтавскомъ бою онъ долженъ былъ остаться въ плѣну до заключенія мира. Вернувшись на родину, онъ издалъ книгу: *Das nord- und- östliche Theil von Europa und Asia*. Къ этому сочиненію прибавлена *tabula polyglotta*—32 „татарскихъ“ говоровъ. Таблица содержитъ перечень числительныхъ и 35 самыхъ обычныхъ обозначеній (богъ, небо, царь, мать). Всѣ 32 языка дѣлятся на 6 группъ:

I группа	— венгры, финны, вогулы, мордва,
черемисы, пермяки, вотяки, остяки.
II „	— татары, якуты, чуваши.
III „	— самоеды.
IV „	— калмыки, манчжурцы, тунгусты.
V „	— тунгусы, камасинцы, аринцы, коряки, курилы.
VI „	— пять прикаспійскихъ племенъ.

Это первая попытка группировать сибирскіе говоры по ихъ родству; недостатки ея сразу бросаются въ глаза. Въ своемъ словарѣ, о которомъ намъ уже приходилось говорить, Юслениусъ ссылается на Штраленберга и высказываетъ предположеніе, что „татарскіе“ народы говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, какъ и финны, венгерцы и—славяне. И вотъ завѣтной мечтой Портана было переиздать этотъ трудъ Юслениуса; въ Гельсингфорсѣ хранится въ рукописи 9 томовъ въ переработкѣ Портана. Но для окончательнаго составленія этого словаря Портанъ считалъ необходимымъ знаніе русскаго языка, на которомъ къ его времени уже существовали многочисленныя записи о финскихъ говорахъ въ Россіи.

Первыя записи по языкамъ инородцевъ въ Россіи, являющіяся необходимой подготовительной работой для послѣдующихъ научныхъ предположеній, обязаны своимъ появленіемъ великой просвѣтительницѣ Екатеринѣ. Лейбницъ обратился было къ Петру Великому съ предложеніемъ о составленіи небольшихъ словарей и переводовъ по языкамъ различнѣйшихъ народовъ Россіи. Проектъ оказался преждевременнымъ, но не былъ забытъ. Русскіе путешественники теперь

уже болѣе или менѣе тщательно собирають справки и о чуждыхъ языкахъ. Екатерина, будучи еще великой княгиней, взялась прямо за планъ Лейбница относительно универсальнаго словаря. Около года она сама посвятила этой работѣ. Затѣмъ поручила все дѣло знаменитому естествоиспытателю Петру Симону Палласу. Посланники, ученые, даже правители разныхъ странъ и народовъ не преминули содѣйствовать научному предпріятію императрицы ¹⁾). Такимъ образомъ возникъ трудъ, носящій заглавіе: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій собранные десницею всевысочайшей особы“ 1787 г.— Нецѣлесообразность составленія этого большаго словаря объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что Палласъ не былъ лингвистомъ по специальности. Планъ соблюденъ такой, что извѣстное количество самыхъ обычныхъ понятій (богъ, небо, отецъ) названо на двухъ стахъ языкахъ подъ рядъ, безъ соблюденія ихъ предполагаемаго родства. Въ дополнительныхъ томахъ тотъ же самый матеріалъ расположенъ по еще болѣе курьезному принципу: всѣ двѣсти языковъ собраны вмѣстѣ, въ одной и той же рубрикѣ, въ алфавитномъ порядкѣ: а, аа, аб, ав, и т. д. Понятно, что на этотъ словарь можно смотрѣть лишь какъ на обогащеніе научнаго матеріала. Трудно себѣ представить, чтобы какой-нибудь ученый могъ пользоваться второй его частью. Понявъ теоріи словарь не думалъ.

Объединеніе финскихъ говоровъ въ Россіи и финскихъ разнорѣчій, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, въ одну группу лингвистическихъ наблюдений—одна изъ многихъ заслугъ ученаго датчанина Расмуса Раска.

Въ 1818 г. онъ проѣздомъ побывалъ въ Або, а въ слѣдующемъ году уже появилось его изслѣдованіе о „финской семьѣ языковъ“, при составленіи котораго онъ пользовался кромѣ матеріала мѣстнаго (т. е. языковъ финскаго и лапландскаго) и венгерскими и русскими данными. Раскъ оставляетъ открытымъ вопросъ о возможной связи языковъ финскихъ съ турецкимъ, татарскимъ и монгольскимъ, и занимается только собственно финской семьей. При этомъ Раскъ даетъ краткую характеристику грамматическаго строя каждаго языка: финскаго, эстляндскаго, лапландскаго, черемисскаго и мордовскаго и сближаетъ эти говоры въ особую группу, собственно финскую. Вторая группа, называемая югорской, обнимаетъ венгерцевъ, вогуловъ и кондичь. Наконецъ, третья носитъ романтическое названіе „біармійской“;

¹⁾ Сл. *Max Müller*, *D. Wissenschaft d. Sprache* I т. стр. 142 сл. Сочиненія Я. Грота, IV т., „Филолог. занятія Екатерины II“.